

Поэтическая норма в контексте глобализационных и националистических процессов

ГАЛИНА М. СЮТА
(Киев)

Тезис о глобализации – аксиоматический для современного мира. Политическая и культурная взаимозависимость и унификация современных государств определяет новые формы социокультурной организации общества. Художественная словесность как часть культуротворческой деятельности человека и этноса тоже «вписывается» во всеобъемлющий глобализационный контекст, влияет на него и сама подвергается его воздействию.

В целом глобализация в социокультурной сфере, включая и художественное творчество, – это интенсивные поиски путей мирового и этнического развития, обуславливающие взаимодействие глобального, универсального и специфического, национального.

Поэтическое языкотворчество (в частности, поэтическая норма как параметр, определяющий дифференциальные признаки развития этого языкотворчества, представляется результатом культивирования определенного типа словоупотребления, тропо-, текстообразования и выявления наиболее знаковых тенденций в развитии поэтического языка конкретного исторического периода) тоже по-своему реагирует на интенсивность глобализационных процессов и их зеркального отражения – националистических тенденций. В частности, их наблюдаем в двух сегментах современной украинской поэтической речи – материковой 80-90-х годов XX в. и диаспорной, репрезентированной Нью-Йоркской группой.

перестрів (М. Розумний); *І доведеться до зорі/ Клечати спухлу душу маєм* (С. Пантюк); *зливи, неначе прищі на брунатному тілі,/ марудні й понурі, як джінси на тілі Декарта* (И. Андрусяк). «Антиэстетичность» образов в приведенных примерах заметно дисгармонирует с темой и сюжетом произведений: языковые средства (в частности, преднамеренное сочетание стилистически сниженной и высокой лексики, текстовое совмещение вульгаризмов и поэтизмов) не соответствуют традиционному восприятию описываемых поэтических реалий.

Согласно канонам постмодернизма в современной украинской поэтической речи кардинальному снижению подвержены также названия эмоций, психологических и эмоциональных состояний – *любов, кохання, ніжність* и т. п. Во многих контекстах они актуализированы в подчеркнуто эпатажных словесных рядах: *І голос, неначе старий розкуйовджений пес, притрушує значення спертого слова «кохати»* (С. Жадан).

Характерный признак развивающегося под влиянием глобализационных процессов украинского поэтического словаря конца XX – начала XXI в. – активное стилистическое освоение иностранных слов и выражений. Транслитерированные, а также сохраняемые в иноязычном написании единицы входят в ритмико-интонационную и смысловую структуру стихотворения как полноценные компоненты поэтического высказывания: *В реторті вариться коктейль (oh, yes, baby!)/ Я – Фауст, Гамлет, Вільгельм Тель./ Я сплю на небі* (Ю. Андрухович); *Ми чисті й нагі. По модерному – ню. Від чахлика туги тебе я звільню* (С. Пантюк).

Поэтическое языкотворчество конца XX – начала XXI века репрезентирует также определенный этап в развитии национального художественного стиля с точки зрения актуализации националистических мотивов. В частности, об этом свидетельствует словесно-образное воплощение философии национальной идеи. Осмысливая тему самоидентификации украинской нации, ее места и роли в мировом этническом пространстве, «писатель берет на себя роль исследователя этнопсихологии, исторической судьбы, телесно-духовного микрокосма украинства» (Ставицька 1999: 164). При этом на образы соответствующей тематической группы распространяется показательная для идиосистем 80-90-х годов преобладающая негативная оценочность, которая «вытекает из понимания психологического комплекса рабства и национальной неполноценности» (Ставицька 1999: 165). Пор.: *Яка багата і безцінна тризна!/ Яка безцінна й неповторна річ!/ Багата вишивка, повішена на піч!/ Мов каліграма... Як моя Вітчизна.* (Н. Белоцеркивец); *Повстання і повсть.*

Чорторія і рай./ Жуй сало. Викохуй під шабельку шию./ І знов за свободу для бидла вмирай./ Накриють китайкою. Лайкою вкриють./ І буде калина, верба і полин./ І хрест із сухих гудзуватих пражсин./ І знов ти у всім чистім полі один./ Не вспомніт тебе окультурений син (С. Пантюк).

Таким образом, культурно-стилевое воплощение философии национальной идеи в рассматриваемом фрагменте украинской поэзии характеризуется объективным фиксированием реальной социокультурной и языковой ситуации конца XX в. Для таких контекстов характерны тропеические синтагмы, синтезирующие индивидуально-авторскую интерпретацию и общенациональные ценностные категории.

Языкотворчество Нью-Йоркской группы – это специфический, пространственно четко маркированный сегмент современного национального художественного дискурса в его жанровой поэтической разновидности. Как часть диаспорной культуры эта поэзия очень чутко отреагировала на культурную глобализацию, засвидетельствовав, с одной стороны, активное и органичное введение украинской словесности в контекст актуальных для мировой литературы эстетических парадигм, а с другой – последовательное и целенаправленное сохранение национальной тождественности, прежде всего – языка как национальной доминанты. Известно, что авторы-ньюйоркцы позиционировали себя как отличающееся от Пражской школы и членов МУРА новое поколение национальных писателей, которые «сознательно выбрали Украину» (Рубчак 2001: 183), однако при этом боялись потерять духовный контакт с духовностью западного мира. Чувствуя, что украинская словесность полностью осталась вне современных эстетических тенденций, они считали своим долгом эту ситуацию кардинально изменить, поэтому стремились утвердить взгляд на украинскую литературу (в частности на поэзию) как национально специфическую и в то же время динамично развивающуюся в контексте западноориентированных культуротворческих процессов. Синтез этих двух взаимообусловленных векторов – глобализационного и националистического – обусловил возникновение нового типа поэзии – оригинальной, национальной по содержанию и современной по форме, «с характерной для современной американской поэзии доминантой абстрактного образного мышления» (Жулинський 1991: 9). По мнению современных исследователей глобализации, такие культурные феномены определяются как транслокальные, что, собственно, часто указывает на их модернистический характер.

Тяготение ньюйоркцев к модернистскому типу речемышления и языковой реализации может быть истолковано как одна из глобализационно-культурно-

творческих тенденций. Отсюда – целый ряд креативных принципов, определяющих механизмы формирования и развития стилевых норм в этом сегменте национального художественного дискурса: декларативно-негативистское отношение к поэтической традиции, ее каноническим формам (на этой основе сформировался основной креативный принцип ньюйоркцев – «вне традиции»), универсализм тем и мотивов, реагирование на философию экзистенциализма и др. Вот, например, как под влиянием популярных в конце 50-х и в 60-е годы экзистенциальных тезисов Ж.-П. Сартра ньюйоркцы понимают и описывают *жизнь* как *пустоту* (*Що є життя./ як не будинок./ повний пустих кімнат* (Ю. Тарнавский); *Спорожніло кругом життя./ бо ти повсякчас/ відсутня* (Б. Бойчук); *живу .. в пустій коробці: вода якою/ мене поїи – надто прісна* (Р. Бабовал), *свалку, мусорник* (*Немов на смітник, знову/ вернусь я/ до життя* (Ю. Тарнавский), *боль, страдание* (*Крізь жовч/ проходять люди./ які живуть/ і мучаться./ і хочуть жити* (Б. Бойчук); *І до кінця твого/ болітима/ затерпле/ тіло./ а в жилах синьо/ пульсуватиме свідомість:/ ти живеш* (Б. Бойчук), *агрессивное животное* (*а біля ніг/ їжачилось, гарчало/ голодною собакою/ життя* (Б. Бойчук).

Однако модернистское речемышление не разрушает целостности национального культурно-поэтического сознания авторов Нью-Йоркской группы. В текстах проявления этого признака наблюдаем на разных лингвистических уровнях – фоностилистическом, лексико-фразеологическом, образно-символическом, текстообразующем. Уровневый подход помогает установить соответствия индивидуальных практик диаспорных авторов с национальной стилевой нормой, определить созвучность ей или сознательный уход от нее. Например, современная эстетичность поэтики ньюйоркцев часто связана с их восприятием звуковой, звуко-смысловой природы слова, благодаря чему тексты не отягощены фоностилистической инерцией, не страдают стереотипностью языкового выражения. Являясь самодостаточной единицей олицетворения поэтического смысла, звук в лингвокреативном сознании авторов направлен и на эстетический план (ассонанс, аллитерация), и на содержательный, когда за счет созвучности ситуативно сближаются неродственные и неконтактные в узуальном употреблении лексемы, между ними устанавливаются окказиональные смысловые (синонимические, антонимические, паронимические) отношения. Ср.: *день давився голодом і людом* (Б. Бойчук); *Рештки сині – в стільники осині* (Э. Андиевская); *Чорний жар/ Чорний жаль/ Чорний біль* (В. Вовк); *ніч, що вирує в осінній, останній*

пісні (Б. Рубчак); *моя любов/ банальна,/ як смак банана в роті* (Ю. Тарнавский).

Отмечая особенности поэтической нормы и наблюдая ее динамику, обращаем внимание на системные звуко-смысловые универсалии, практически синхронно функционирующие в материковой, и в диаспорной поэзии (*руки – ріки – роки; син – сон – сонце; життя – жито; білий – біль*): *янгали, які/ сміються в очі/ рікам і рокам – / тим, що колись пліли/ й яких тепер/ уже нема* (Р. Бабовал); *І ми собі казали, що життя – посіяних зернин дозріле жито* (Б. Бойчук); *ти білим боєм ниєш у легенях* (Б. Рубчак). Регулярность их повторов позволяет квалифицировать такие фонетические метафоры как формульные, поскольку они соответствуют среднестатистическим беллетристическим нормам второй половины XX века. В этом смысле фоностилистические системы авторов Нью-Йоркской группы отчетливо проецируются на этнопоэтическое пространство, обнаруживают связь с традицией звукоорнаментированного текстообразования в народнопесенном языке, в поэзии украинских неоклассиков, шестидесятников, поэтов «киевской школы». В целом это подтверждает статус паронимической аттракции как категориального признака украинской поэзии второй половины XX века в ее различных жанрово-пространственных проявлениях, и таким образом подтверждает единство фоностилистических норм в поэзии этого периода.

С точки зрения динамики поэтической нормы в контексте глобализационных и националистических процессов особое место занимает поэтический словарь Нью-Йоркской группы. Ведь известно, что именно этот идиостилевой срез, с одной стороны, способен дать убедительный объективный материал, свидетельствующий об особенностях словоупотребления мастера, а с другой – он является выразителем нормализационных тенденций той эпохи, к которой хронологически принадлежит автор.

Креативная практика авторов Нью-Йоркской группы зиждется на общеязыковом национальном словаре. Его полифонизм обеспечен видоизменениями и традиционностью, взаимодействием различных (народнопоэтических, народноразговорных, обиходно-культурных, литературных и др.) источников. Разновекторная стилистическая трансформация и интерпретация этого языкового материала в авторских идиосистемах обусловила семантическую деривацию слов, разнообразие функций вербализированной этнокультурной среды.

Глубину народной памяти и в то же время индивидуальные рефлексии над словом прежде всего иллюстрируют такие единицы поэтического словаря

Нью-Йоркской группы, как *языково-эстетические знаки национальной культуры* (термин С. Я. Ермоленко). Сохранение национальной доминанты в контекстной семантике этих знаков связано со способностью вербализировать культурно-исторические фрагменты знания. Семантико-оценочное наполнение указанных единиц релевантно традиционному, их аксиологизация как языковых кодов национальной культурной памяти особенно заметна на фоне других образных и стилистических компонентов, присущих современному по форме и национальному по смыслу типу языкового выражения. Например, на расширении ассоциативных связей фольклоризмов и бытовизмов (как разновидности лексических знаков национальной культуры) основана эстетика многочисленных нетрадиционных метафор: *вечір .. коромислом несе/ сугроби верб/ у сугалос акацій* (Б. Рубчак); *За топірцем манджає білий день./ І ніч готує знов зірок макітру* (В. Вовк); *Лопата сонця/ вдаряє в камінь* (П. Килина); *пагахкотить/ солома небосхилу* (Р. Бабовал); *На перелазі дня обручик/ поліз на кіл./ відкрив лінії очі небозводу* (Ю. Коломыец). Граница между общеязыковыми и модифицированными индивидуально-авторскими употреблениями слов *коромисло, макітра, солома, перелаз, обручик* достаточно условна, поскольку поэты, оперируя лингвоэстетическими знаками национальной культуры, апеллируют к этнокультурной эрудиции читателей, рассчитывают на знание украинского народного быта, реалий (*перелаз* – определенным образом оборудованная часть забора, место, позволяющее перелезть, переступить, перепрыгнуть и т. д. через нее), народных загадок, аккумулирующих представления, опыт наших предков. Таким образом, усвоенные еще в детстве образные модели в зрелом творчестве поэтов подвергаются сложным трансформациям, так или иначе корреспондирующим с национальной культурно-поэтической традицией, способствуют моделированию этноязыковой художественной картины мира. «которая, видоизменяясь в соответствии с временными измерениями литературно-письменной практики, проявляет выразительные признаки национального речемышления» (Ермоленко 2009: 4).

В целом диапазон семантико-эстетической трансформации слова в языкотворчестве ньюйоркцев чрезвычайно широк. Каждый лингвостилистический срез исследования поэтического словаря (в самой широкой его репрезентации) позволяет определить и описать и привычные для украинского культурно-поэтического сознания, и нетрадиционные аспекты смыслообразования. В комплексе они свидетельствуют о том, что поэтическая норма ньюйоркцев органично синтезирует интеллектуализм,

модернизм и национальное мироощущение, демонстрируют изменчивость национальной языковой картины мира в соответствии с временными и пространственными измерениями литературно-письменной практики.

Этноцентричность речемышления и языкотворчества авторов Нью-Йоркской группы выражается также в приемах вербализации общественно значимых тем – например, темы украинского языка, национальной истории (голодомор 1933 г.), экологии (Чернобыльская трагедия) и т. п.

Словесный образ *мова* – ключевая лингвоментальная единица в поэтических идиосистемах ньюйоркцев, маркер их причастности к пространству украинской духовности, к национально-языковой памяти. Динамический (в основном агрессивно-глобализационный) контекст иноязычной культуры, в котором родилась и функционирует поэзия Нью-Йоркской группы, более отчетливо репрезентирует культуротворческую и этноконсолидирующую функцию языка.

В поэтическом языке ньюйоркцев засвидетельствованы многочисленные словоупотребления, иллюстрирующие традиционную положительную оценочность словообраза *мова*. Прежде всего это нормативные для идиостиля Веры Вовк словосочетания с эпитетами *рідна, людяна, співуча, дзвінка, сопілкова, золотоуста, правдива: Цікаві обличчя дивилися б просто на мене, / Сказали б на мові співучій і рідній ...; Люди їх слухали в рідній мові, / в слов'янськiм говорі сопілковiм; промовляти .. словами / Дзвінкої нечуваної мови; Ти передав нам вартості нетлінні / В обряді та золотоустій мові.*

Заслуживает внимания и другой вектор вербализации словообраза *мова*, нормализация которого, вероятно, связана с глобализационными процессами в области художественного речемышления и функционирования украинского языка в иноязычной (англоязычной) среде. Показательны с этой точки зрения тексты Ю. Тарнавского. Одна из самых болезненных стилистических точек в его поэзии – проблема языковой идентификации и самоидентификации личности. В поэме «У РА НА» эта проблема представлена в контексте аксиологической оппозиции «родное – чужое», получившей индивидуальное лексико-семантическое развитие. Прежде всего это касается экспрессивной тональности вербализации родного (Ю. Тарнавский отождествляет понятия *родной язык* и *украинский язык*), что, вопреки традиции, не всегда является носителем позитивной коннотации. Авторские метафоры этой тематической группы воспринимаются как саркастически-обвинительные сентенции, наполненные разговорными, просторечными глаголами и глагольными соединениями

(пропили, на чорно збили), названними лиц (бездари), вульгаризмами (пятика). Ср.: українські покоління/ вертаються/ з нічних **пятик**/ де **пропили**/ рідну мову/ (несли її, несли/ тисячу років,/ дали вам у руки,/ а ви, **бездари**,/ **пропили** її за одну ніч; в Харкові **харкають на українську мову, душать її в Одесі, на чорно збили у Чернівцях**. Инвективность этих колоквиализированных метафор подчеркивает фонетическая игра стилистически сниженных глаголов и имен, благодаря которой устанавливаются окказиональные смысловые отношения в паронимических корреляциях *Харків – харкати, Чернівці – на чорно*.

Нетипичную лексико-семантическую парадигму развивает также второй член названной оппозиции – *чужое*. Основные семантические векторы его реализации в поэзии Ю. Гарнавского применительно к словообразу *мова* – это эпитеты *російська* и *англійська*. Они показательно выявляют авторское осмысление вторичного статуса украинского языка в соотносительных социокультурных ситуациях – по сравнению с русским (в бывшей УССР) и английским (в диаспоре). При этом метафоры-инвективы, негативно коннотированные фразологизированные парафрастические сочетания, транслитерированные или сохраненные в первоначальном, «иноязычном» написании слова свидетельствуют, что основную ответственность за жизнь языка поэт возлагает не на общественный порядок или государство, а на человека – носителя языка, хранителя национальных и языковых традиций: *з усіх боків, і вночі, і вдень, чутиметься лиш кумкання: **black, black, black**; вже ось тисячу років мукаєш за собою, як теля за матір'ю: Хто я? Хто я? Тоді як ти .. люд радянський, царський, цісарський, королівський, ханський, що ти руський, русин, рутенець, карпаторос, малорос, малополяк (хрунь), мадярон, лемко, козак кубанський... і ніколи не українець*. Об инвективности метафор свидетельствуют, в частности, использованные для характеристики языка, процесса говорения пренебрежительные звукоподражательные лексемы *мукаєш, кумкання*.

Градационно-оценочным завершением в репрезентации образа чужого языка становятся эпические мини-тексты подобного типа: *українські діти хотіли б щось сказати, та тільки стогнуть – роти набиті англійською мовою..* Общую негативную тональность авторского высказывания в этом случае усиливает конкретно-предметная вульгаризированная метафора *рот набитий мовою*, глагол с семой ‘страдание’ *стогнуть*, форма сослагательного наклонения *хотіли б*. Подобные авторские высказывания подтверждают доминирование в диаспорной поэзии украинского языкового

сознания, предусматривающего «1) осознание самодостаточности своего языка как средства этнической самоидентификации личности, 2) видение пространственного и временного поля украинского языка как феномена единства, целостности украинского этноса (нации)» (Єрмоленко 2009: 19).

Своеобразный рефлекс глобализации современного социокультурного пространства и художественного речемышления – интертекстуализация поэтического языка. Интеллектуализированные апелляции к прототекстам (фольклорным и авторским, прозаическим и поэтическим) – стилевая норма в поэзии Нью-Йоркской группы. В частности, зафиксированы многочисленные референции к прецедентным текстам:

- Священного Писания: *допливаємо до незнамого берега/ допиваємо чашу/ тільки любов зможемо взяти/ з собою* (В. Вовк); *Я випив кубок болю* (Б. Бойчук); *Минають дні/ з закутаними лицами/ і не торкають/ моченою в оцті губкою/ уста* (Б. Бойчук);

- фольклора: *квилить чайка/ що не може вмерти/ вже вісімсот років,/ за дітьми плаче –/ київськими бульварами/ (танцюють вальс «Берізки»/ каштани/ з обципанними серцями* (Ю. Тарнавский); *ходять ізотопи/ йод і цезій/ по світі,/ перехиляються/ через тини границь,/ заглядають,/ народам у душі,/ питається йод/ цезія:/ «Де будемо вікувати?»/ .. На Україні/ будем вікувати,/ брате»* (Ю. Тарнавский);

- узнаваемых, актуализированных в качестве языковых знаков национальной культуры авторских образов и выражений Т. Шевченко, И. Франко, П. Тычины: *Стоїть/ в місті Чорнобилі/ саркофаг/ (домовина)/ України,/ подарунок/ її старшої сестри/ Росії* (Ю. Тарнавский); *заграло сонце/ у свої клярнети/ і навек зайшло в закритий храм/ мовчання* (Б. Бойчук); *один за руки,/ другий за ноги,/ і хвиць на купу,/ «Всіх українців/ до 'дної ями,/ дітей/ за батьками!»/ Ага, Павлику-Равлику,/ виставив роги/ на стоги трупів,/ перевищуєшся ./ до найсильнішого народу* (Ю. Тарнавский).

Текстовые иллюстрации убедительно свидетельствуют о том, что образы Ю. Тарнавского, В. Вовк, Б. Бойчука навеяны украинской классической литературой и «вписывают» авторские высказывания в единый континуум национальной словесности и культуры. Наблюдаемые факты демонстрируют вневременные и внепространственные закономерности функционирования поэтического слова как константы украинского речемышления, языково-эстетические универсалии, обеспечивающие непрерывность словесной традиции и целостность национального поэтического дискурса в его историческом и культурном развитии. Следовательно, заявленная в

эстетической программе Нью-Йоркской группы модернизация украинской поэтической речи – это целенаправленная креативная деятельность, за импульсами которой прослеживаем актуальное для каждого литературного поколения стремление к «примирению в собственном творчестве классики как стагического состояния языка и современной языковой стихии как ее динамического состояния» (Неборак 1991: 43).

Изложенное дает основания констатировать: поэтический дискурс Нью-Йоркской группы – это своеобразная лингвостилистическая система текстов и способов их фоностилистической (версификационной, ритмомелодической, звуко-смысловой), лексической, грамматической организации, выявляющей, с одной стороны, непосредственные и тесные связи с национальной поэтической традицией, а с другой – свидетельствующей об особенностях, обусловленных отдаленностью от этноязыковой среды и ориентацией на актуальные для мировой литературы модернистские тенденции. Эстетико-стилистическая ценность диаспорного поэтического слова проецируется на структуру национального языка, на динамику стилевых и идиостилевых норм..

Литература

- Єрмоленко С. Я., 2009, *Мовно-естетичні знаки української культури*, Київ.
- Жулинський М. Г., 1991, *І в серце візалося слово – Богдан Бойчук. Третя осінь*, Київ.
- Неборак В., 1991, *Мова і поетичне покоління*, «Сучасність», ч. 3 (359).
- Рубчак Б., 2001, *XXI століття прийшло разом із постмодерністами, або Про літературу, право вибору, дух імпровізації, мит України і не тільки про це – Тарнашинська Л. Закон піраміди*, Київ.
- Ставицька Л. О., 1999, *Мовностильові тенденції в художній прозі 90-х років – Najnowsze dzieje języków słowiańskich*, Opole. Українська мова.

Poetic Norm in the Context of Globalisation and Nationally Oriented Processes

Variability of the poetic norm in the context of globalization and nationally oriented processes, corresponding as two parts of modern creation of culture, currently prevails.

The main consequence of globalization in Ukrainian lingual creative practice at the end of the twentieth and beginning of twenty-first century, and the poetry of New York Group, are the rethinking and renewal of the traditional lexical-and-semantic paradigms as paradigms relating to image and text creation, making an effort to place Ukrainian poetry in the context of the broadest expanse of world literature.

Nationally oriented processes lead to an increase attention to the lingual-and-aesthetic signs of national culture and to the verbalization the national-and-philosophical idea.

Key words: poetic language, poetic norm, globalization, nationally oriented processes, poetic vocabulary.

[The text in this section is extremely faint and illegible. It appears to be a list or a series of entries, possibly a table of contents or a list of references, but the specific details cannot be discerned.]